

0839

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Анжела Биссел

МОЯ СУДЬБА В ТВОИХ РУКАХ

Подари себе любовь

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Анжела Биссел
Моя судьба в твоих руках
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 839

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37941520

Моя судьба в твоих руках:

ISBN 978-5-227-08324-1

Аннотация

Чтобы отпустить прошлое, нужно заглянуть ему в глаза. Целых двенадцать лет Рамон убегал от демонов, которые однажды зло над ним подшутили, отняв любовь родителей, друга и девушку. Но жизнь любит играть в кошки-мышки, и вот все повернулось вспять. Теперь в его руках судьба Эмили, которая ждет от него ребенка. Готов ли он к такой ответственности? Ведь Рамон понимает, что с Эмили его связывает только... страсть.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Анжела Биссел

Моя судьба в твоих руках

A Night, A Consequence, A Vow

© 2017 by Angela Bissell

«Моя судьба в твоих руках»

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

* * *

Глава 1

– Ты мне обязан, Ксав.

Рамон де ла Вега опустился в кресло у стола брата и вытянул ноги: после восьми часов полета через океан и еще часа поездки в корпоративном лимузине по забитому машинами городу казалось, что он неделю провел связанным. Откинувшись на спинку кресла, Рамон положил ноги на уголок стола и осторожно произнес:

– Я хотел провести выходные в Вегасе.

Ксавьер сидел напротив в кресле с высокой спинкой; братьев разделял массивный дубовый стол, перешедший старшему сыну от отца вместе с компанией. Позади брата было окно во всю стену, открывавшее панораму Барселоны. Однако Рамон лишь мельком бросил взгляд в сторону пейзажа. Гораздо больше его внимание привлекал Ксавьер – в темном, сшитом на заказ костюме он выглядел безупречно. Казалось, августовская жара ему нипочем. Как всегда, на лице его застыло суровое выражение, спина идеально прямая, только пальцы правой руки выстукивали ритм на обитой кожей поверхности стола. В офисе было так тихо, что звук этот ударял, казалось, прямо по барабанным перепонкам Рамона, напоминая ему в который раз, что перелет не стоит мешать с алкоголем.

– И что ты там будешь делать? – с усмешкой спросил Кса-

вьер. – Опять играть и увиваться за юбками?

Не обратив внимания на явное неодобрение, прозвучавшее в голосе брата, Рамон улыбнулся – он знал, эта улыбка могла разбить сердце дамы или успокоить непростого клиента. Однако на брата она произвела обратный эффект.

– Это называется отдыхом, Ксав, – непринужденно произнес он. – Тебе бы тоже не помешало попробовать.

Ксавьер так нахмурил брови, что казалось, он скорее согласится, чтобы ему отрубили руку, нежели примет участие в подобных забавах. Перестав барабанить по столу, он сжал руку в кулак.

– Убери ноги с моего стола, – прорычал он, оглядывая джинсы и рубашку Рамона. Взгляд его задержался на его ступнях. – И где, черт возьми, твои ботинки?

Рамон опустил ноги. Где же он оставил обувь? Ах, ну да, в приемной, под столом симпатичной брюнетки, чье имя он уже успел позабыть. Что ж, в джинсах из искусственно состаренной ткани – хоть и дизайнерских – и мятой свободной рубашке с открытым воротом он явно недотягивает до брата. К тому же около суток он уже не брился. Зато в полете не мучился, успокоил себя Рамон. А уж если вспомнить, как братец срочно вызвал его к себе, а потом отказал в корпоративном самолете... Да, кстати. Вот что нужно сделать – купить собственное воздушное судно. Симпатичной рыженькой стюардессе из первого класса, что помогала ему в течение всего полета из Нью-Йорка, казалось, все нравится.

Но, наверное, для штаб-квартиры корпорации «Де ла Вега», располагающейся в центре делового района Барселоны, он несколько не рассчитал с одеждой.

И все равно Ксавьеру не помешало бы немного остыть, войти в его положение. Он ведь бросил все, даже отказался от вечера в компании одноклассников из Гарварда и прилетел за пять тысяч километров из-за океана – и все оттого, что братец вдруг позвал его и сказал, что нуждается в помощи. Именно нуждается, ни больше ни меньше. Мог ли он представить себе хоть когда-нибудь, что услышит эти слова от всегда гордого брата? Помимо этого объяснения Ксавьер не предоставил Рамону никакого другого, а тот и не спрашивал. Разумеется, Ксавьер, будучи генеральным директором, стоял на ступень выше, но вовсе не его статус заставлял Рамона повиноваться. Ксав был его семьей. А что касается семьи, у Рамона был один пункт, существование которого он не мог оспаривать перед самим собой: он обязан своим родным.

Он улыбнулся – не потому, что был в хорошем настроении, скорее наоборот, возвращение в Испанию отнюдь не способствовало поднятию духа, – а потому, что знал: улыбка раздражает брата.

– В полете мои ноги отекают, – объяснил он. – И твоя секретарша предложила мне сделать массаж ступней, пока ты тут сворачивал встречу.

На лице Ксавьера появилось отвращение.

– Надеюсь, ты шутишь.

– Да, братец. – Рамон улыбнулся еще шире. – Так и есть.

Однако ему вспомнилась веселая болтовня с... Как ее зовут – Лора? Лорда? Ему показалось, что она с радостью сделает ему массаж чего угодно, если ей дать шанс. А об этом стоит подумать – ему ведь и впрямь не помешает отвлечься от мыслей на все время пребывания в Испании. От воспоминаний, что рано или поздно выберутся из подсознания и потребуют своего.

Ксавьер ущипнул себя за переносицу – так раньше делал отец, когда был на пределе терпения. Однако это сходство нельзя было списать на генетическое родство. Ксав был усыновлен родителями Рамона после двух неудачных беременностей матери. А четыре года спустя родился Рамон – чудо для семьи, которой врачи прочили никогда не обрести собственных детей. Так он и остался Даром Небес. Вспомнив это прозвище, Рамон нахмурился. Он ненавидел его! Никакой он не ангел. Достаточно спросить семью Кастано или Мендоса. Они, пожалуй, подкинули бы парочку своих прозвищ... например, Ангел смерти. Или Дьявол во плоти.

Рамон заставил себя вынырнуть из воспоминаний. Вот почему он всячески избегал Испанию: слишком много здесь жило призраков, все напоминало...

– Так зачем я здесь? – требовательно спросил он, чувствуя, что теряет терпение.

– Завтра будет собрание совета директоров.

Рамон нахмурился:

– А я полагал, что следующее собрание по итогам квартала будет через шесть недель.

Он знал расписание встреч и всякий раз стремился ускользнуть, оказаться в другом месте. В его представлении собрание старых педантов было особой изощренности пыткой, которую нужно всячески избегать.

– С каких это пор мы встречаемся по субботам?

– С тех самых, как я решил собрать экстренное заседание менее чем сутки назад.

Рамон ощутил, как в нем закипает раздражение.

– Почему, черт возьми, ты не сказал мне по телефону, что собираешься вытащить меня сюда ради совещания?

– Потому что ты бы нашел повод не прилетать, – бросил Ксавьер. – Ведь ты бы предпочел провести этот день за игровым столом или в объятиях какой-нибудь девицы легкого поведения.

Бровь Рамона дернулась.

– Это не относится к делу, – прорычал он.

Внезапно Ксавьер встал и повернулся к окну. Рамон изумленно посмотрел на брата. Что-то было не так. Да, он частенько избегал собраний: умасливать старых ворчунов и находить компромиссы было делом Ксавьера, а не его. Но никто не посмел бы заявить, что Рамон работает спустя рукава. Он многое сделал для корпорации – точнее, на протяжении последних пяти лет не переставал делать что-то полезное, с

тех самых пор, как отец предложил ему должность вице-президента на двадцать пятый день рождения. Рамон оставил свою карьеру архитектора. Раньше он проектировал роскошные отели и строил элитные развлекательные комплексы, теперь же покупал их и управлял ими. Он преуспел – и понял в первый же год работы, что именно так может отплатить своим родным, компенсировать ту боль, что он им когда-то причинил, будучи восемнадцатилетним юнцом, и позор, что навлек на семью. Пусть его имя станет символом успеха. Это было непростой задачей: ведь корпорация «Де ла Вега» была надежной, процветающей, простиралась на несколько континентов, и спектр ее видов деятельности был широким – от недвижимости и строительства до развлечений и гостиничного бизнеса. Так что любой вклад должен был быть значимым.

Рамон принял вызов. Сначала удвоил их долю на европейском рынке, выкупив «Честейн Груп» – сеть элитных отелей и курортов, затем расширил портфолио частных клубов, превратив их в сеть прибыльных фешенебельных заведений. Да, он не ударил в грязь лицом. Но, по-видимому, для брата – как и для всего совета директоров – гораздо больше имела значение его личная жизнь. Как досадно.

Рамон не доставлял особого наслаждения прессе, впускаясь в скандальные истории, однако и не тратил время, стараясь совсем ускользнуть от внимания камер. Стоит увернуться от одного папарацци – и на его место прибегут еще

десять. Уж лучше дать им то, что они хотят. Сверкнуть улыбкой перед объективом, обнимая за талию очередную красотку, и все желтые газетенки с голодными до сплетен читателями будут счастливы. Отказать же им – значит стать жертвой. Они станут преследовать тебя и искать скандал там, где его нет. А еще хуже – там, где и впрямь можно что-то найти. Последнее, что хотел Рамон, – это обнародовать свое прошлое, ошибки юности. Уж лучше поддерживать репутацию казановы, пускать пыль в глаза репортерам, позволяя им видеть тот образ, что создал он сам, – успешного, богатого аристократа, завидного жениха, любящего развлечения так же сильно, как и новые деловые приобретения.

– Так зачем ты созвал экстренное совещание? – спросил он Ксавьера, взяв себя в руки.

Брат повернулся, на лице его застыло мрачное выражение.

– Гектор хочет стать председателем собрания. Рамон прищурился:

– Я думал, вы с отцом эту роль предписывали Санчесу.

Санчес был самым молодым и самым активным членом совета директоров. В прошлом он был успешным руководителем, и Ксавьер убедил совет принять его в попытке влить свежую кровь в кадры компании. Его Рамон искренне уважал, в отличие от остальных членов совета – за исключением Ксавьера и отца, который ранее и был председателем. Гектор же был сущим кошмаром для корпорации – он был двоюродным братом отца и отчаянно стремился к власти, не призна-

вая никого, кто превосходил его по статусу. Эгоист и глупец, он совершенно не годился на руководящий пост.

Рамон недоверчиво покачал головой:

– Да он никогда не получит поддержки совета.

– Он уже ее получил. – Ксавьер снова сел, и было видно, что он вот-вот взорвется от негодования: ноздри его гневно трепетали. – Он все это время работал у меня за спиной, убеждая других, что голосовать за Санчеса – это ошибка.

– Но ведь отец сможет его приструнить?

Брат посмотрел на Рамона.

– Отец уже отошел от дел. Он слишком слаб для таких драм, и ты бы не задавал сейчас этого вопроса, если бы приезжал почаще, – с жестким блеском в глазах произнес он укоряюще.

Рамона словно ударило током. Он, разумеется, знал, что у отца высокое давление, в последние два года участились приступы ангины, но, по-видимому, состояние Витторио усугубилось, и это было новостью. Рамон крепко сжал зубы: он не случайно избегал семейных встреч. Слишком много было невысказанного, постыдного. И сейчас он не позволит брату винить себя. Он всем сделал только лучше, держась на расстоянии.

– Члены совета уважают тебя, – заметил он, заставив себя вернуться к делу. – Так отвоюй их голоса.

Ксавьер напрягся и покачал головой:

– Похоже, что Гектор приготовил им увесистую морков-

ку, и я не удивлюсь, если она будет украшена бриллиантами. Лопез, Рубен, Андерз и Рамирез всю неделю не отвечали на мои звонки.

Рамон провел большим пальцем по колючему подбородку.

– И чего ты собираешься добиться на совещании?

– Хочу устроить Гектору очную ставку, заставить его вступить в игру в открытую и вынудить всех принять чью-то сторону. Так мы будем знать, что нас ожидает.

– Мы?

– Мне нужна твоя поддержка. И не только мне – если мы по-прежнему хотим видеть Санчеса в кресле председателя. Нам нужно выступить единым фронтом, суметь бросить вызов Гектору, проверить его на прочность.

Рамон усмехнулся.

– Не понимаю, как мое присутствие что-то изменит, – сказал он, уже чувствуя, вопреки собственным словам, прилив адреналина, как всегда, когда кто-то бросал ему вызов. Помимо этого, в нем заговорило чувство долга перед семьей и желание помочь брату. Бросив взгляд на лицо Ксавьера, Рамон ощутил, что не только гнев является причиной глубоких морщин вокруг его рта. – Ты взволнован, – заметил он. – Чем?

– Сделка с Кляйном обернулась неудачей.

Рамон присвистнул. Лицо Ксавьера еще больше потемнело.

– Мне жаль, – искренне произнес младший брат.

Ему не раз приходилось терпеть поражение в бизнесе, и он понимал, что такое – вложить кучу усилий и ресурсов в потенциально выгодную сделку, а потом наблюдать, как в самый неподходящий момент все летит к чертям.

– Так ты беспокоишься о том, что совет директоров сочтет тебя недостойным доверия на фоне поражения, – подытожил он.

– Гектор уже в открытую обвиняет меня, – с отвращением произнес Ксавьер. – И воспользуется этим козырем, чтобы подорвать мою репутацию. Нам нужна успешная сделка, чтобы вернуть поддержку членов совета. Что-то, что заставит их забыть о неудаче и даст нам преимущество над Гектором. – Он наклонился и пристально посмотрел на брата. – Тебе удалось назначить встречу с Ройсом?

Рамон ощутил, как по спине пробежал холодок. Не только Ксавьер потерпел поражение.

– Пока нет, – осторожно сказал он.

Ксав откинулся на спинку кресла и тяжело вздохнул.

– Маловероятно, что тут нам повезет.

Его недоверчивый тон возмутил Рамона. Конечно, «Ройс» – один из старейших, самых престижных и эксклюзивных клубов Лондона, и стремиться заключить с ним сделку – высокая планка, но зачем так уж его недооценивать?

– Неужели ты совсем во мне разуверился, братишка? – сказал он. – Я просто столкнулся с небольшим препятстви-

ем, вот и все. Но это не означает, что я не сумею с ним справиться.

– Препятствием?

– У Ройса такой секретарь. – Рамон пренебрежительно дернул плечом. – Держит оборону получше любого вояки.

Брови Ксавьера сдвинулись еще ближе.

– Они что, не знают, с кем имеют дело? Или полагают, что имя де ла Вега недостаточно известное, чтобы удостоить тебя внимания?

Рамон вновь иронически хмыкнул. В глазах Ксавьера их фамилия всегда имела большую значимость, нежели в его глазах. Вся родня по линии матери были дальними родственниками короля Испании, отец же происходил из семьи богатых промышленников. Когда они поженились, имя де ла Вега стало символом достатка и статуса.

– Ты забываешь, кто ходит в клиентах у Ройса? – спросил он брата, наблюдая, как Ксавьер мгновенно помрачнел.

Влиятельность и состояние их семьи в данном случае и впрямь не имели никакого значения, ведь клуб Ройса был создан для самых богатых и известных мужчин в мире.

– А еще ходят слухи, что Максвелл Ройс не очень-то избирателен, когда дело доходит до компании. Так почему бы не назначить тебе встречу?

Рамона несколько оскорбили слова брата, и он сжал зубы, прежде чем вымолвить:

– Это не слухи. Информация, что я получил, из надежного

источника, на нее можно полагаться.

Это и впрямь было так – хотя и неожиданно, ведь Рамону поведал об этом не кто иной, как его друг Кристоф.

– Ройс – заядлый игрок, и его долги достигли космических показателей, – сказал он.

Это были слова бухгалтера Ройса, перебравшего коктейлей в одном из лондонских баров. Тот подцепил симпатичную коллегу – а она оказалась сестрой Кристофа – и выложил ей всю правду про своего босса. Девушка, само собой, не упустила случая все рассказать брату, а он уже передал информацию Рамону.

– Вместе с проблемами приходят и возможности, – произнес он.

Не раз он уже убеждался в истинности этого постулата. Люди, не желающие продавать, частенько меняли намерения, столкнувшись с финансовыми затруднениями. Предложения, когда-то и кем-то отклоненные, внезапно становились весьма привлекательными в глазах пострадавших. Клуб «Ройс» передавался из поколения в поколение уже около сотни лет, но бывало и такое, что отпрыски решали продать семейный бизнес, предпочитая громкому имени твердую валюту. А если Максвелл Ройс нуждается в деньгах... глупо упускать такую возможность, и не важно, сколько придется ждать встречи с ним. Клубы Рамона были эксклюзивными и славились на весь мир, но «Ройс» принадлежал совершенно к другой лиге – туда могли бы войти около десятка подобных

заведений со всей планеты. И коли сделка удастся, их репутация взлетит на новый уровень.

Ксавьер снова наклонился вперед:

– Мне не нужно тебе говорить, какое впечатление подобная покупка произведет на совет директоров.

Рамон понимал это, ведь в случае успеха можно было бы остановить предательский замысел Гектора и завоевать доверие совета, вернув себе контроль над компанией.

– Поговори с этим секретарем, кто бы он ни был, добейся встречи, – назидательно сказал Ксавьер. – Как можно скорее.

Рамона не очень-то впечатлил повелительный тон брата, но он промолчал, понимая, что сейчас Ксавьер в трудном положении: он попросил поддержки, а это происходило нечасто. И потом, ему и самому не хочется видеть Гектора в правлении компании.

Вот только проблема была в том, что секретарь Ройса – вовсе не он, а она, стройная симпатичная блондинка, и оказалась крепким орешком для Рамона. Редкая женщина могла ему отказать и не поддаться его чарам, однако эту он не сумел убедить. Три раза за две недели она отказывала ему во встрече, каждый раз – по телефону, и ее отстраненный, чопорный голосок с британским акцентом сообщал, что мистер Ройс слишком занят, чтобы принимать непрошенных гостей. Однако от Рамона не так легко было отвязаться. Решив, что сумеет добиться гораздо большего в личной встрече, он прилетел в Лондон и постучал в дверь клуба, расположенно-

го в самом сердце Мейфэра – фешенебельного района города. Надо признать, охрана сработала блестяще. Как только в нем распознали посетителя, а не члена клуба, мужчина в темном костюме вывел его к боковому входу в величественное кирпичное здание. Его попросили подождать в вестибюле – черный и белый мрамор, которым он был отделан, как и простая черная входная дверь с медным молоточком, олицетворяли сдержанную элегантность бренда. Рамон провел в этом вестибюле достаточно времени, чтобы сосчитать мраморные ступени и детально изучить затейливо украшенный лепниной потолок в георгианском стиле. Эта дамочка заставила его прождать целый час! Только упрямство и возможность размять ноги, прогуливаясь по полированному мрамору, удержали Рамона. В конце концов, чем еще это было, как не игрой, соревнованием, в котором важно было не сойти с дистанции. Победил он, но его радость была короткой.

– Вам не назначена встреча, мистер де ла Вега, – произнесла девушка, подходя к нему.

Светло-серые глаза ее, казалось, пронзали холодным светом, а на лице застыло равнодушное выражение. «Хорошенькая, – подумал Рамон, – но не в моем вкусе». Слишком замкнутая, холодная и отстраненная.

– Вы так решили, – ответил он с легкой улыбкой.

– А вы считаете, что я должна решить иначе только оттого, что вы приехали лично?

– Я думаю, мистер Ройс многое бы выиграл от встречи

со мной, — мягко ответил Рамон. — А вы отказываете ему в такой возможности.

Улыбка девушки разительно отличалась от тех улыбок, которыми Рамона одаривали женщины. Они были всякими — застенчивыми и откровенно соблазнительными, но непременно — теплыми и понимающими, а иногда и вызывающе дерзкими. Но улыбка, застывшая на губах у секретарши Ройса, вовсе не была теплой. Она выражала скорее терпимость и даже снисхождение.

— Позвольте мне сказать вам, что думаю я, мистер де ла Вега, — произнесла она ледяным и в то же время бархатным голосом — точно мороженое, от которого болит голова, если откусить слишком много. — Я знаю мистера Ройса лучше, чем вы, и потому более квалифицирована, чтобы понимать, что он сочтет выигрышем, а что нет. А еще я полагаю, что вы недооцениваете меня. Я знаю, кто вы и почему так хотите встретиться с мистером Ройсом. Так давайте проясним это прямо сейчас, чтобы вы больше не тратили время попусту. Клуб не продается.

На бледных ее щеках появился румянец, оттеняющий сверкающие серые глаза. Как интересно, подумал Рамон, возможно, все же за неприступностью скрывается пламя. Вытащив визитку, он сделал шаг навстречу девушке, но она отшатнулась, и в глазах ее появилась тревога — словно он пересек некую невидимую границу. Еще более интересно.

— Уделите мне десять минут в расписании вашего босса, —

произнес он. – Это все, о чем я прошу.

– Вы напрасно приехали, мистера Ройса сейчас нет.

– Тогда, может быть, вы мне позвоните, когда он появится? Я пробуду в Лондоне еще два дня.

Он все еще протягивал карточку, и наконец девушка взяла ее с осторожностью, чтобы ее пальцы не коснулись его. Затем она снова улыбнулась ему своей странной улыбкой, и на сей раз она вызвала у Рамона раздражение – а потом, откуда ни возмись, он ощутил жар в животе. Каково было бы поцеловать ее сейчас? Прижать к мраморной колонне, откинуть голову назад и поцеловать – пока ее губы не раскроются навстречу ему. Рамон с усилием взял себя в руки: его поразил этот неожиданный порыв. Никогда прежде ему не приходилось овладевать женщиной силой. Разве что в шутку, подчиняясь правилам игры, соблюдения которых от него порой ожидали любовницы, предпочитающие погорячее. Однако сам он любил женщин нежных, податливых, которых не нужно долго уговаривать.

Девушка сделала еще один шаг назад, румянец на ее щеках запылал ярче, а зрачки расширились – точно она прочитала его мысли.

– Мистер Ройс на этой неделе будет занят, – произнесла она, холодно глядя на Рамона. Улыбка ее испарилась. – Так что, мистер де ла Вега, предлагаю вам не ожидать чуда, если, конечно, вам есть чем заняться.

Повернувшись, она пошла прочь, стуча каблучками по си-

яющему мрамору, и исчезла в двери напротив, через которую и вышла к нему. Рамон, точно загипнотизированный, смотрел ей вслед, не преминув отметить стройные ноги, подчеркнутые темно-синей узкой юбкой. Она прекрасно выглядит – и факт этот каким-то образом пробился в мозг, затуманенный разочарованием и гневом.

Рамон очнулся, услышав звон телефона Ксавьера. Положив руку на трубку, брат посмотрел на него:

– Будешь уходить, поговори с Люсией. Я забронировал столик для ужина сегодня вечером. Узнай у нее детали, и встретимся в ресторане. Поговорим.

Ах, ну конечно, подумал Рамон, Люсия – вот как зовут секретаршу брата. Странно, что он не мог вспомнить имя женщины, которую только что повстречал и с которой даже не прочь был переспать, но хранил в памяти имя англичанки, которую с радостью бы задушил. Ее имя прочно закрепилось в его мозгу, как и очертания ее точеной фигурки. Эмили.

Глава 2

Эмили Ройс села за свой стол и сделала глубокий вдох – каким-то непостижимым образом воздух словно проскочил сквозь легкие, не дав мозгу кислорода. На миг показалось, что сейчас ей станет дурно. Она не могла поверить сама себе. Обычно было не так-то просто выбить ее из колеи: уже давно она научилась справляться с разочарованием и не позволяла себе прогибаться. Плохие новости воспринимала холодно, спокойно и прикидывала, что можно сделать. Но сейчас ей было плохо, а по коже бежали мурашки. Вцепившись пальцами в подлокотники, Эмили представила, что сжимает руки на шее у отца. О, она бы убила его! Немедленно его отыскала бы и вытащила из роскошного номера отеля или другого райского уголка, в который он забился. Кричала бы на него до тех пор, пока не охрипнет.

Вот только Эмили знала, что ничего этого не сделает. Сколько раз уже она представляла себе, что даст волю гневу и разочарованию, что копились практически всю жизнь тщательно закрытыми от посторонних глаз, и ни разу этого не произошло. Сейчас все будет, как всегда, и она поступит так, как должна: отстранится от эмоций и сделает все возможное, чтобы исправить нанесенный клубу урон, а заодно скрыть от всех позор, что навлек на себя Максвелл Ройс. Правда, на сей раз сделать это будет сложнее – если верить услышанному,

он переплюнул сам себя, повел себя глупо, безответственно и эгоистично. Недостаточно будет просто сунуть толстую пачку денег какому-нибудь авантюристу, чтобы компрометирующие отца фотографии не появились в желтой прессе, и даже личные сбережения не помогут – а Эмили частенько приходилось прибегать к их помощи, чтобы восполнить недостачу в бухгалтерии, когда Максвелл присваивал себе средства с их счетов. Надо признать, что отец и прежде вел себя гадко, но сейчас... сейчас... Дедушка, наверное, перевернулся в могиле – как и все предки, владевшие клубом раньше.

В тысяча девятьсот четвертом году Эдвард Ройс, прапрадедушка Эмили Ройс, состоятельный и уважаемый джентльмен, один из столпов, на которых держалось британское высшее общество, основал клуб, которому дал свое имя. Престижное заведение с гордостью передавалось по наследству, им владели три поколения управляющих – все мужчины. Эмили стала исключением из правила. Спустя почти сто лет клуб «Ройс» остался традиционно мужским клубом – и одним из немногих в Западной Европе бастионов мужской исключительности и шовинизма. Членами его были влиятельные джентльмены, владевшие мировыми индустриями, а также возглавлявшие правительства и княжества.

Поначалу Эмили забавляла мысль о том, как бы отреагировали большинство членов клуба, узнав, что пятьдесят процентов акций принадлежит женщине. Наверняка не обо-

шлось бы без негодующих возгласов, клубов сигарного дыма и звона бокалов с виски в большом зале. Но она знала также о том, что прадедушка не случайно отдал пятьдесят процентов акций своей единственной внучке. Гордон Ройс прекрасно понимал, что сумасбродному сыну нельзя отдавать бразды правления, и переписал свое завещание, оставив половину акций клуба Эмили, хотя дед предпочел бы иметь внука, – и это было нежелательным, но необходимым действием в глазах Гордона. Однако он не изменил своих сексистских взглядов и сделал все возможное, чтобы имя Ройса стало известным благодаря мужской половине потомков. Какая ирония судьбы, что дед распоряжается жизнью внучки даже из могилы, в то время как при жизни он почти не выказывал интереса к ней! Эмили закрыла глаза. Нужно усмирить разбегающиеся мысли, сосредоточиться на проблеме и прийти к решению. Нужно время, чтобы подумать – в одиночестве, без присутствия мужчины, что сидит сейчас напротив.

Медленно поднявшись, она произнесла с усилием:

– Думаю, вам лучше уйти сейчас, мистер Скиннер.

Однако ее холодность, казалось, не произвела никакого эффекта на посетителя. Склонив голову, он растянул тонкие губы в улыбке, от которой по спине Эмили побежали мурашки.

– Как жаль, – ответил он. – А я только начал наслаждаться нашей беседой.

Эмили не понравилось то, как он посмотрел на нее. Карл

Скиннер, один из самых известных – в основном скандально – ростовщиков Лондона, годился ей в отцы, но его липкий взгляд шарил по ее телу, словно раздевая. Она сжала руки в кулаки. Конечно, она одета очень консервативно – белая блуза, юбка в тонкую полоску, – так что негодяю не за что зацепиться, разве что внимание его привлечет гневный румянец на ее щеках.

– Наш разговор окончен. – Эмили указала на листок бумаги, который Карл с мерзкой ухмылкой положил перед ней в ответ на просьбу подтвердить его слова. На нем стояла подпись, которую Эмили не смогла бы перепутать ни с какой другой, и она принадлежала отцу. – Я обращаюсь к юристам и приму окончательное решение.

– Можешь позвать хоть сотню юристов, крошка, они тебе не помогут.

Эмили едва сумела взять себя в руки, чтобы не передернуться от отвращения.

– Ройс подписал это семь дней назад, и тогда это имело юридическую силу, – продолжал Карл. – И еще через семь дней, когда я приду забрать его должок, этот документ тоже будет иметь силу. – Он откинулся в кресле и обвел взглядом маленький, но красивый офис, окна которого выходили на одну из самых элегантных улиц Мейфэра. – Знаешь, я всегда себя представлял членом подобного клуба.

Эмили едва не хмыкнула – настолько невероятной казалась мысль о том, что этот человек будет вхож в общество,

где возвращаются принцы и президенты. Однако она удержалась: деловой костюм Скиннера и его аккуратно подстриженные волосы создавали образ благодушного джентльмена, но под этой маской таилась опасность. Оскорблять его было бы в высшей степени неосмотрительно.

– Долг мистера Ройса будет погашен к концу недели, – произнесла Эмили, стараясь, чтобы голос ее прозвучал как можно более уверенно, ведь если долг не погасить, Карл Скиннер получит пятьдесят процентов акций клуба, а об этом и помыслить страшно.

– Ты как-то очень в этом уверена, крошка.

– Именно.

Скиннер сжал губы в полосу.

– Ты ведь понимаешь, что эти слова убедили бы меня гораздо больше, услышь я их от твоего шефа?

– Его сейчас нет, – напомнила Эмили, радуясь тому, что, повинаясь инстинкту, она не раскрыла своей фамилии, когда Скиннер внезапно появился без предупреждения и начал требовать встречи с отцом. Она назвала лишь свое имя и представилась административным руководителем и ассистентом мистера Ройса. Тот же инстинкт подсказал ей выслушать Скиннера.

Эмили с трудом улыбнулась.

– Боюсь, вам придется пока ограничиться моим заверением, мистер Скиннер, – произнесла она, обходя стол. – Спасибо вам за визит. Полагаю, нам больше нечего обсуждать,

у меня назначена другая встреча. Так что если вы не возражаете...

Скиннер поднялся и встал на ее пути. Эмили умолкла, сердце ее прыгнуло куда-то вниз. Их разделяло не больше метра – никогда прежде девушка не подпускала к себе никого ближе, и сейчас особенно не горела желанием менять это правило ради Скиннера.

– Мистер Скиннер, – начала она.

– Карл, – перебил ее мужчина, делая шаг навстречу.

Эмили отступила назад, косясь вправо за закрытую дверь. И почему она не оставила ее открытой? Скиннер растянул губы в мертвой, хищной улыбке.

– Нет нужды в церемониях, Эмили. Через неделю я стану твоим начальником, а я не люблю формальности, предпочитаю более... расслабленные отношения.

Отвращение поднялось новой волной, и Эмили с трудом поборола в себе желание отступить назад, повторяя, что этот слизняк не посмеет ей угрожать. Однако на самом деле она была крайне взволнована. Почти всю жизнь она вращалась среди мужчин, но к таким ситуациям не привыкла, предпочитая оставаться невидимкой, серой тенью.

Выпрямившись, девушка сказала, ощущая, как сердце так и колотится в груди:

– Позвольте мне заверить вас еще кое в чем, мистер Скиннер. – Про себя она подумала, что ей ничто не может угрожать: ведь за дверью офиса сидит ее помощница Марша, а

охрану можно вызвать одним лишь нажатием кнопки на телефоне. – Вы не только не будете моим начальником, но и никогда, пока мой голос здесь что-то значит, не появитесь больше на нашей территории.

Произнеся последнее слово, Эмили поняла, что совершила фатальную ошибку. Лицо Скиннера потемнело и стало напоминать грозовую тучу. Молнией он метнулся к ней и прижал ее к столу, стиснув железными пальцами талию. Вихрь ощущений налетел на Эмили. Она не могла отвести глаз от губ Скиннера, хищно обнажающих зубы, ощущала его влажное дыхание на своем лице и то, как защипало в носу от запаха лосьона, которым щедро полился Карл. Девушка едва не вскрикнула от страха, но, ухватившись за стол, сумела преодолеть себя.

– Убери руки, – прошипела она. – Или я закричу, и сюда через пару секунд прибежит охрана.

На миг пальцы, сжимавшие ее бока железной хваткой, ослабли, затем Скиннер отпустил Эмили и отошел на шаг назад. Девушка ощутила, что вот-вот упадет, так ослабли ноги. Проведя рукой по волосам, мужчина поправил галстук – точно эти жесты могли сделать его менее отвратительным в ее глазах.

– Семь дней, дамочка, – хрипло произнес он с угрозой. – Потом я заберу все. – Он кивнул в направлении листка бумаги. – Это, разумеется, копия. Можешь заверить своего адвоката, что оригинал у меня, лежит в безопасном месте.

Улыбнувшись ледяной улыбкой, он вышел, оставив дверь открытой. Эмили обессиленно оперлась на стол. В офис влетела Марша.

– Боже! – воскликнула она. – Что, черт возьми, тут случилось? У этого мужчины был такой вид... – Взгляд ее упал на бледное лицо Эмили. – Эмили?

Выпрямившись, Эмили положила дрожащую руку на плечо Марше.

– Вызови охрану, скажи, пусть позаботятся о том, чтобы он покинул здание.

Марша поспешила назад, а Эмили поплелась на негнущихся ногах к своему стулу. Вытащив телефон, она глубоко вздохнула, чтобы немного успокоиться, и набрала номер отца. Однако отозвался лишь автоответчик. Что ж... нельзя сказать, что она удивлена. Охваченная гневом, отчаянием и самыми разнообразными чувствами, в которых сама себе боялась признаться, Эмили с грохотом бросила телефон на стол, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы – еще одна неожиданность за день. Что такое натворил Максвелл? Сжав губы, она закрыла глаза и прижала к ним ладони. Похоже, она знает ответ на этот вопрос: он одолжил чудовищную сумму денег и проиграл все, а в качестве заложной поставил свою долю акций в клубе. И конечно, потерпел разгромное поражение. Эмили хотелось закричать. Как, как он мог так поступить?

Понятно теперь, почему он всю неделю был вне зоны до-

ступа – прятался. Предоставил Эмили расхлебывать заваренную им кашу, как и всегда. А с другой стороны – его легко понять, ведь именно дочь всегда решала все его проблемы, поддерживала его репутацию, репутацию клуба. Максвелл Ройс – человек эгоистичный и безответственный, но не полный идиот. Он нашел роль для дочери, которую игнорировал почти всю жизнь.

Эмили буквально упала в кресло. И исчезает Максвелл уже не в первый раз. Будучи ребенком, она привыкла к нечастым появлениям отца в своей жизни, чувствуя, что ее присутствие по непонятным причинам тяготит его. Потом начала надеяться, что их заинтересованность в будущем клуба даст им общую почву для того, чтобы построить отношения, но в первый же год после смерти деда стало ясно, что надеждам не суждено сбыться. Потеря отца ничуть не изменила Максвелла. Он лишь стал более отстраненным, непредсказуемым и теперь подолгу отсутствовал. В периоды, когда его не было, клубом управляла Эмили, принимая на себя все больше обязанностей. Отец порой забегал, но никогда не сидел за столом больше нескольких минут. Зачем, в конце концов, утомлять себя электронными таблицами и вести скучные переговоры о сотрудниках и затратах, когда можно прогуливаться в ресторане или в большом зале, периодически зажимая в угол красоток и испытывая на них свои чары?

Эмили мало волновало то, что должность практически не отражает ее фактических обязанностей, как и то, что вот уже

семь лет она является совладельцем клуба по взаимному согласию с отцом, но факт этот тщательно скрывается от окружающих. Члены клуба «Ройс» вряд ли готовы к подобным откровениям. Репутация клуба зиждется на традициях и истории, а также на ценностях прошлых столетий. Никто не возражал против женщин, работающих в клубе, но признать кого-либо из них на равных для большинства членов было бы неслыханно. У Эмили было видение клуба в других тонах, но все изменения необходимо воплощать постепенно. Принимать же в члены женщин... пока для этого не настало время. И не настанет, если Карл Скиннер наложит свою жадную лапу на долю акций отца. Его удержать будет невозможно, и разразится неслыханный скандал, который может разрушить репутацию клуба. Клиенты побегут в другие заведения – короче говоря, «Ройс» перестанет существовать. Тот «Ройс», с которым хотела бы олицетворять себя Эмили. Скиннер превратит его в дешевую забегаловку. Вот почему дед завещал половину акций Эмили – чтобы не дать сыну разрушить семейное наследие. Только это все равно происходит – на ее глазах.

Эмили снова схватилась за телефон. Первый ее звонок был в банк. Там ей сообщили то, что она и так знала, – что они исчерпали свой лимит по кредиту. Итак, получить деньги от банка не вариант. Второй звонок был адвокату компании, и от него у Эмили остался еще более неприятный осадок.

– Прости, Эмили, но контракт с мистером Скиннером в силе, – сказал Рэй Картер, получив от девушки копию листка, принесенного Карлом. – Ты можешь его оспорить в суде, но, если мы не докажем, например, что Максвелл был психически нездоров, подписывая бумагу, нет причины аннулировать сделку.

– И что, совсем ничего нельзя сделать?

– Заплатить мистеру Скиннеру долг, – прямо ответил адвокат.

– У нас нет денег.

– Найти инвестора.

Сердце Эмили остановилось.

– Тогда у нас будет новый акционер?

– Или убеди отца продать свои акции – что угодно, только делай это побыстрее.

Повесив трубку, Эмили замерла, не в силах пошевелиться и вымолвить слова. Когда в офис вошла Марша с чашкой чаю, она едва нашла в себе силы поблагодарить помощницу. Рассеянно поглаживая жемчужинку на серебряной цепочке, она думала. Инвестор... наверняка есть члены клуба, которым можно было бы предложить долю акций. Но в таких вопросах нужна деликатность, и любые переговоры займут время, а у нее сейчас его нет. «Что угодно, только побыстрее», – пронеслось в мозгу.

Повернувшись на крутящемся стуле, Эмили открыла средний ящик стола и пошарила среди блокнотов и другой

канцелярии; найдя нужное, она на миг затаила дыхание, потом закрыла ящик и положила на стол визитку. На белом фоне четко выделялись большие черные буквы – такие же яркие, как и мужчина, носящий это имя. Рамон де ла Вега. Внезапно Эмили ощутила жар в груди. Тогда после встречи с Рамоном она собиралась выбросить карточку, вернувшись в офис, но в последнюю секунду все же изменила свое решение и положила ее в ящик.

Этот мужчина задел ее чем-то. Не хотелось бы признавать, но это правда. Эмили знала таких – одного поля ягоды с ее отцом, красавчики с бархатым голосом. Правда, Рамон был не просто красавчиком, его природа одарила от души: высокий, с темными волосами и смуглой кожей, он излучал уверенность в себе и жизненную силу – такие люди, как магнит, притягивают к себе. И она едва не поддалась его чарам, ощутив неудержимое влечение к нему, когда он вступил в ее личное пространство. Шаг назад она сделала не потому, что Рамон ее отталкивал, – напротив, несмотря на гнев, Эмили почувствовала, как ее тянет к нему. От него исходила осязаемая энергия, и за ней угадывалась некая безрассудность, легкомыслие. Не те качества, что привлекают ее в мужчине, напомнила себе девушка, и уж тем более в мужчине, который однажды рассердил ее своим нахальством.

Откинувшись на спинку кресла, Эмили почувствовала, что сердце в груди бьется как-то хаотично – не сошла ли она с ума, всерьез задумавшись о подобном выходе? Или, наобо-

рот, безрассудством будет не подумать о нем? Кто хуже – Рамон де ла Вега или Карл Скиннер? У де ла Вега благородное происхождение, не говоря уже об исключительной деловой хватке. Эмили искала о нем информацию – просмотрела десятки статей, в которых воспевались достижения его как архитектора и толкового, целеустремленного бизнесмена, а вместе с ними и материалы желтой прессы с фотографиями Рамона в компании красивых женщин. Решив долго не раздумывать, она схватила телефон и набрала номер, напечатанный на карточке. Прошло две секунды, и Эмили едва не поддалась порыву сбросить вызов. Может, над этим стоит поразмыслить? Да и слова заранее подготовить...

– Да, – раздалось в трубке по-испански.

Эмили резко выдохнула и не смогла вымолвить ни слова.

– Да, – повторил мужчина по-английски. – Кто это?

Эмили очнулась.

– Мистер де ла Вега?

– Да.

– Доброе утро. То есть...

Девушка замешкалась, подумав о том, что он может быть где угодно, и в другом часовом поясе сейчас, возможно, далеко не утро. Рамон, может быть, ужинает. Или у него середина ночи, и он в кровати... Эмили вспыхнула, оборвав себя. Нет, если бы он занимался этим, он бы не ответил на звонок. Однако воображение подсунило образ обнаженного мужского тела, и щеки Эмили запылали ярче.

– Простите, – произнесла она, словно бы извиняясь за свои мысли, хотя и понимая, что Рамон не может их, к счастью, прочесть. Да что с ней происходит и где ее обычная выдержка? Должно быть, визит Скиннера встревожил ее куда больше, чем кажется. – Надеюсь, я вас не побеспокоила. Я...

– Эмили.

На миг девушка замолчала, не в силах вымолвить и слова от удивления.

– Впечатляет, мистер де ла Вега, – произнесла она наконец.

– Рамон. У вас очень запоминающийся голос. Эмили закатила глаза. Ничего такого в ее голосе не было, как и не было ничего примечательного в ней самой. Рамон де ла Вега – просто хитрый лис, наподобие отца. Она выпрямилась и заговорила другим тоном:

– Мистер Ройс хотел бы обсудить с вами деловое предложение. Вы все еще заинтересованы во встрече?

– Разумеется.

Даже не колебался – прекрасно. Сжав телефон крепче, Эмили продолжила:

– Завтра в девять утра сможете?

– Да.

– Хорошо. Мы ждем встречи с вами, мистер де ла Вега.

– Рамон, – настойчиво повторил он. – И я тоже жду встречи с вами, Эмили.

По коже ее побежали мурашки: показалось ей или и

впрямь Рамон произнес ее имя с некой чувственностью и не спеша – отчего оно прозвучало даже эротично?

– Вообще-то, – произнесла она холодно, – вы можете называть меня мисс Ройс.

На другом конце провода воцарилось молчание – не будь ситуация столь напряженной, Эмили бы от души ей наслаждалась. Решив не давать Рамону шанса парировать, она положила трубку и посмотрела на часы. У нее ровно сутки на то, чтобы найти отца.

Глава 3

Рамон никогда не верил в высшие силы. Лишь один раз в жизни он взмолился о помощи – со всей горячностью юноши, впервые столкнувшегося с пониманием того, как хрупка человеческая жизнь, – и ответом ему было молчание, превратившее тот день в кошмар. С тех пор он полагался лишь на себя, но вчера... словно некая неведомая сила подтасовала карты в его пользу. А сегодня он ощущал себя победителем, потому что произошло то, чего он хотел, то, что ему было нужно после встречи совета директоров в субботу, атмосфера на которой оставляла желать лучшего.

– Пятьдесят один процент, – произнес он.

Послышался одновременный вздох двух мужчин и женщины, сидящих за столом. Рамон не сводил глаз с дамы. Мисс Эмили Ройс. Вот это для него оказалось сюрпризом. Хотя, нужно признать, вторая часть его стала куда большим откровением: Эмили не только была дочерью Максвелла Ройса, но и владела половиной акций клуба. Что ж, скоро у нее останется сорок девять процентов.

– Никогда, – произнесла Эмили, и холодный блеск ее светло-серых глаз свидетельствовал, что предложение Рамона ее ничуть не впечатлило.

Адвокат его, сидящий рядом, наклонился вперед и начал:

– Мы понимаем, что вы, мисс Ройс, в сложной ситуации...

– Не думаю, что вам это действительно важно, – оборвала его Эмили. – Полагаю, мистер де ла Вега хочет просто извлечь из этого выгоду.

– Эмили, – мягко сказал Рэй Картер, седовласый адвокат, сидящий рядом с девушкой, – давай их выслушаем.

Рамон увидел, как крохотная ручка Эмили сжимается в кулак. На ее месте он бы тоже был взбешен происходящим и подобные слова не вызвали бы у него ничего другого, кроме желания заехать в глаз советчику. Однако девушка злилась на отца, и тут ее тоже можно было понять.

Для Рамона и его адвоката слова Картера стали откровением: он изложил ситуацию максимально прозрачно, подчеркнув, что для его клиентов на первом месте всегда ясность и доверие. Потом вступил Максвелл Ройс, предложив продать свои пятьдесят процентов акций в обмен на быструю и справедливую сделку. Менее чем через час обе стороны обговорили ее условия. Ройсу важна была скорость, и это дало Рамону преимущество, которым они с адвокатом и воспользовались. Однако на этом переговоры не прекратились. Рамон хотел выиграть контрольный пакет акций: пусть даже преимущество его составит всего один процент, он даст ему возможность все контролировать. Мисс Ройс может возмущаться сколько угодно, но, если они с отцом хотят быстро получить помощь, им придется продать этот процент. А если она не перестанет сверлить его взглядом, точно он сам сатана, то он позабудет о сочувствии и начнет открыто насла-

ждаться происходящим.

Рамон посмотрел в светлые глаза девушки.

– Поверьте, я вам искренне сочувствую, – произнес он, глядя прямо на Эмили и не обращая внимания на ее отца. К Максвеллу Ройсу он не испытывал ни грамма симпатии, и ему не было его жаль. Он повел себя неосмотрительно, глупо. Рамон и сам не прочь был порой рискнуть, да и грехи за ним водились, но он уже давно усвоил урок: только просчитанный риск имеет право на существование. Нельзя ставить в игре то, что ты не готов потерять. – Но я полагаю, вы согласитесь со мной в том, что ваши возможности ограничены и что вам нужно быстрое и эффективное решение проблемы. – Рамон положил локти на стол и развел руками. – Полагаю, его я вам и предлагаю.

– Требовать контрольный пакет акций – это вы называете решением? – парировала Эмили. – Это поглощение компании.

Щеки ее запылали от гнева, и так разителен был контраст румянца и светлых льдинок глаз, черты лица обозначились четче, и стало видно, какие высокие у нее скулы. Сейчас, с завязанным на затылке хвостом, Эмили выглядела так же строго, как и в момент их первой встречи, но Рамон вдруг понял, что эта девушка не просто хорошенькая, а красивая, несмотря на привычку держаться на расстоянии. Взгляд его спустился к ее губам, и вспомнился тот порыв, что он испытал при встрече в холле, когда ему хотелось поцеловать

Эмили и увидеть, как ее снисходительная улыбка расцветет в приглашение. Сейчас Эмили не улыбалась, но ее решительно сжатые губы были пухлыми и чувственными. А фигурка... Рамон не мог не заметить ее соблазнительных изгибов, особенно в моменты, когда мягкий бледно-голубой топ облегал грудь и подчеркивал тонкую талию. Он ведь не слепой – просто молодой мужчина, который любит женщин. И всякий раз, когда в поле зрения появлялась симпатичная девушка, тело его не могло не реагировать.

– Поправьте меня, если я скажу что-то не так, мисс Ройс, – возразил он. – Я так понял, что у вас и у мистера Ройса меньше шести дней на то, чтобы найти деньги на покрытие долга.

Эмили посмотрела на отца. Ройс выглядел безупречно в темно-синем костюме в тонкую полоску, но заметно уставшим, а под голубыми глазами залегли тени. Под взглядом дочери на лице его промелькнуло что-то, похожее на сожаление или стыд.

Переведя взгляд снова на Рамона, Эмили сказала:

– Да, это так.

– Тогда у меня для вас два предложения. Можете мне отказать, и я уйду, – он помолчал, дав партнерам время осмыслить сказанное, – или продать мне процент акций, и я передам вам деньги в течение двух суток.

Эмили прищурилась:

– Вот так просто?

– Мы договорились, что у нас нет времени на долгие пе-

реговоры, разве нет?

– А как же проверка нашего финансового положения?

Рамон отмахнулся:

– Просто дайте нам доступ к вашим счетам, и я уверен, что мы не найдем никаких проблем.

Склонив голову, Эмили внимательно посмотрела на него:

– Мне любопытно, почему это вы так заинтересованы в нашем клубе, мистер де ла Вега. Насколько я знаю, ваши заведения процветают, но они вряд ли принадлежат к той же категории. «Ройс» основан на престиже и традициях, наши клиенты – избранные и влиятельные люди, а не выскочки с деньгами.

Она ловит его на живца, подумал Рамон – ну нет, он не поддастся. Его клубы не просто «процветают», они на пике своей славы и пожидают ее плоды. Да, они роскошны, иногда даже до неприличия, но каждый затейливый аспект их дизайна продуман со вкусом. А еще они пользуются бешеной популярностью. Четыре недели назад в Париже открылся новый клуб, и у него уже полное членство – и это за полгода до открытия режима работы по ночам. Очередь желающих включает сотни человек.

– «Ройс» – идеал в индустрии развлечений. Я готов вас заверить, у меня нет ни малейшего намерения сделать что-либо, что подорвет его репутацию.

Эмили готова была что-то возразить, но адвокат ее опередил:

– Разумеется, мисс Ройс очень переживает за клуб, и для нее важна его репутация и наследие. Будучи традиционно мужским клубом, он придерживается очень консервативных взглядов, и мы не принимаем в члены женщин. То, что мисс Ройс является совладельцем, – тщательно скрываемая информация. – Положив ручку, Картер сложил руки на блокноте. – Иными словами, мисс Ройс является неотъемлемым элементом нашего бизнеса, и, если она согласится предоставить вам контрольный пакет акций, мы хотим гарантии, что ее должность останется неизменной. Кроме того, она получит автономию в решении повседневных дел – в пределах разумного.

Рамон кивнул:

– Конечно, у меня нет причин – как и нет ни малейшего желания – лишать вас работы, Эмили. – Написав цифру на листке блокнота своего адвоката, он подвинул его к девушке, глядя в ее светло-серые глаза.

Эмили и Картер наклонились вперед, чтобы прочитать, обменялись взглядами, а потом девушка взяла ручку и, зачеркнув написанное, вывела другую цифру. Рамон посмотрел на листок.

– Согласен, – произнес он, не обращая внимания на тихое покашливание своего адвоката.

Эмили в молчании не сводила с него глаз.

– Полагаю, нам следует немедленно начать проверку финансов, – мягко сказал Рамон. – Вот и все, если мы достигли

компромисса...

Воцарилось молчание, и все взгляды упали на Эмили. Рамон ждал. Лицо девушки не выражало ничего, но он знал, что в душе у нее сейчас настоящая борьба. Наконец Эмили коротко кивнула, глядя на Картера, встала, обойдя стол, подошла к Рамону и протянула руку:

– Мои поздравления, мистер де ла Вега.

Поднявшись, он взял ее маленькую ладонь в свою и удивился, ощутив тепло. Он отчего-то полагал, что руки Эмили будут холодными. Но от нее почти исходил жар, горячая волна. Зрачки девушки расширились, точно она тоже чему-то удивилась, и внезапно она выдернула свою руку.

– Прошу прощения, я поговорю с бухгалтером и попрошу его представить вам наши счета.

– Спасибо.

– Эмили, – произнес он, когда девушка уже повернулась, собравшись уходить.

– Да?

Он ослепительно улыбнулся:

– Можете называть меня Рамон.

Эмили заперла дверь ванной, включила холодный кран и сунула запястья под воду. Ей было невыносимо жарко, и виной тому был Рамон, хотя и непонятно, почему он производил такой эффект на нее. Казалось, одно его присутствие согревало. А когда она пожала его руку, словно ток пробежал

по телу.

Эмили обессиленно опустилась на стул, закрыла глаза и потеряла лоб. Правильно ли она поступила? А что, у нее был выбор? Рамон де ла Вега или Карл Скиннер – вот и все. Ее просто вынудили – сначала отец своими безответственными действиями, а потом Рамон – безжалостно и эгоистично преследуя собственные интересы. Меньше чем через два дня его корпорация завладеет пятьюдесятью одним процентом акций клуба «Ройс». «Прости, дедушка», – произнесла про себя Эмили, прерывисто вздохнув. Хорошо хоть, отец пришел на встречу. Не ясно, замучила ли его совесть, или возымели эффект четыре сообщения, оставленные на автоответчике, – их тон варьировался от умоляющего до яростного. Он ужасно выглядел, точно не спал несколько дней, – вполне возможно, злорадно подумала Эмили, так и есть. Что ж – не одной ей проводить бессонные ночи. Когда же Максвелл согласился продать свои акции, Эмили ощутила тяжесть в груди, ведь «Ройс» был единственной ниточкой, связывающей ее с отцом, а теперь она будет безвозвратно обрезана.

Встав, Эмили провела руками по бокам, поправляя брюки. Она не станет сейчас переживать, иначе все только испортит. Сделав глубокий вдох, девушка вышла в коридор и направилась в кабинет бухгалтера. Однако там никого не оказалось. Пройдя к себе, Эмили спросила Маршу:

– Ты не знаешь, где Джереми?

– Он звонил утром и сказал, что заболел.

Эмили вздохнула. Новость была некстати – и не только оттого, что Джереми должен был представить отчет о финансах компании. Ему, одному из немногих в клубе, можно было довериться, и только он, за исключением Рэя Картера, знал о пагубной страсти отца к азартным играм. Неплохо было бы с ним побеседовать.

Марша посмотрела на начальницу:

– Могу ли я вам помочь?

– У тебя есть доступ к финансовой информации?

Марша кивнула, и Эмили, схватив ручку и листок, написала список необходимых документов.

– Скачай их на флешку и отнеси гостям в кабинет.

– Мистеру де ла Вега? – уточнила Марша с блеском в глазах.

– Да. А еще позаботься о напитках и обеде для гостей. Спасибо, Марша. Я на некоторое время уединюсь. Если мистер де ла Вега или его адвокат будут в чем-то нуждаться, дай знать.

«И я их пошлю куда подальше», – закончила она про себя. Конечно, ничего подобного она не осмелится сделать, но как же приятно об этом думать.

Час спустя Эмили встала из-за стола, чувствуя, что не в силах работать, и подошла к окну. Обхватив себя руками, она невидящими глазами смотрела на город и пыталась ухватить хотя бы одну мысль из бешено выющегося их вихря. Тут

раздался стук в дверь, и Эмили, решив, что это Марша, произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.